

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2025.55.93.009

Анализ изменений в сфере массовых коммуникаций на постсоветском пространстве

Долгицкий Олег Дмитриевич

Независимый исследователь,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: OD89224426367@yandex.ru

Варыгина Лилия Борисовна

Независимый исследователь,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: liliana-varigina@yandex.ru

Вилковыский Анатолий Вадимович

Преподаватель,
кафедра цивилизационной журналистики,
Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского,
109004, Российская Федерация, Москва, ул. Александра Солженицына, 29/18;
e-mail: a@vilkovisky.ru

Свинцов Андрей Николаевич

Депутат Государственной Думы,
заместитель председателя Комитета ГД по информационной политике, информационным технологиям и связи,
Федеральное Собрание Российской Федерации, Государственная Дума,
103265, Российская Федерация, Москва, ул. Охотный Ряд, 1
e-mail: 9954542@mail.ru

Аннотация

Смена власти США в 2024 году привела к идеологическому повороту и, как следствие, ограничению деятельности агентства США по международному развитию (англ. United States Agency for International Development, USAID) на постсоветском пространстве, что повлекло за собой изменение влияния организованных массовых коммуникаций на выборные, социально-политические и социально-экономические процессы. В связи с этим возникла необходимость анализа современных информационных социально-коммуникативных практик внутри отдельных государств. Это позволит критически подойти к проблеме исторической судьбы России и определить перспективы развития информационной политики в стране в XXI веке.

Для цитирования в научных исследованиях

Долгицкий О.Д., Варыгина Л.Б., Вилковыский А.В., Свинцов А.Н. Анализ изменений в сфере массовых коммуникаций на постсоветском пространстве // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 8А. С. 72-85. DOI: 10.34670/AR.2025.55.93.009

Ключевые слова

Информационное общество, информационная война, нарциссическая культура, массовые коммуникации, общество потребления, доктрина Монро.

Введение

Современные политико-исторические процессы наглядно демонстрируют несостоятельность глобалистской американской модели управления, причиной которой стал кризис либеральной идеологии, возникший после её победы [Дугин, 2009, 12] над фашизмом и коммунизмом. Основная причина несостоятельности, по мнению авторов, кроется в том, что основанием её политики являлась неокOLONиальная информационная и экономическая интервенция США в страны Латинской Америки, Европы, Африки, Азии и Евразии, которая продвигалась в том числе в рамках информационной политики агентства по международному развитию США (USAID), оказывавшая не только информационно-идеологическое, но психологическое воздействие с помощью средств массовой информации, распространяющих продукты нарциссической культуры, в числе которых развлекательный контент в виде клиповой рекламы, новостей и блогов.

В 1960-е гг. американский социолог М. Маклюэн провозгласил трансформацию социума в «электронное общество» - переход на новый уровень, в котором главенствующую роль стала играть информация. Эти идеи в параллельных социальных сферах также развивали английский экономист К. Кларк, определивший формируемый тип общества как общество услуг и информации, экономист Ф. Махлуп, сформировавший понятие информационной экономики, а также немецкий социолог У. Бек, говоривший о наступлении «общества риска». Сегодня помимо информационного общества и услуг, принято говорить и еще об одной стороне информационного взаимодействия – информационной войне, которая согласно определению Манойло А. В. [Манойло, Петренко, Фролов, 2005, 45], является процессом противоборства человеческих общностей, направленным на достижение политических, экономических, военных или иных целей стратегического уровня, путём воздействия на гражданское население, власти и (или) вооружённые силы противостоящей стороны, посредством распространения специально отобранной и подготовленной информации, информационных материалов, и противодействия таким воздействиям на собственную сторону. Именно поэтому для нас важно провести анализ влияния массовых коммуникаций на социальные процессы, чтобы предложить общую политическую стратегию, критически подойти к проблеме исторической судьбы России и определить перспективы развития её информационной политики в XXI веке, на базе представленной нами культурной доктрины.

Нарциссическая культура на постсоветском пространстве

Сегодня, в 2020-х годах XXI века, современное информационное пространство динамично меняется на фоне улучшения качества средств коммуникации и с каждым годом количество

произведенной информации растёт в геометрической прогрессии. Объем информации и скорость её передачи привели к тому, что изменился в том числе и сам формат репрезентации и потребления контента. Появилось множество центров вещания, что создало ощущение децентрализации и индивидуальной кастомизации не только самого продукта, но и каналов коммуникации с пользователем. Этому во многом способствуют разрабатываемые и улучшаемые на основе маркетинговых задач алгоритмы социальных сетей. И, разумеется, одним из первых элементов культуры, на которые ориентируются алгоритмы, является - язык, на котором создается и распространяется контент. Речь одновременно идет и о способах продвижения контента на широко распространенных языках мировых цивилизационных центров, так и локальных этнонациональных, т.к. оба варианта продвижения позволяют с высокой степенью надежности находить зрителей для релевантной выдачи и достигать экономических и социально-политических задач распространителей контента. Национальный язык становится первым и главным инструментом продвижения идеи.

На наш взгляд, основы децентрализованного влияния посредством языковых моделей были заложены французскими философами Делёзом и Гваттари, которые ввели в академическую среду понятие «тела без органов» как производящей машины желаний [Делёз, 2010, 52], наглядным примером которого может служить деятельность USAID как децентрализованного «массива общественных желаний» [Стоян, 2018, 64]. Тело без органов – это «тело ... которое противостоит не столько органам как таковым, сколько организации органов, поскольку последняя компонует организм» [там же]. Существование тела без органов характеризует состояние, в котором жесткие организации разбираются или приостанавливаются. Это не уничтожение органов, а их освобождение от предписанных функций. В качестве классического примера тела без органов обычно приводится грибница или корневище имбиря, каждое из которых не имеет фундаментального основания (в противовес стволу дерева, символизирующего классический пример иерархической структуры). На наш взгляд, в социально-политическом контексте более релевантной и конкретной аналогией, децентрализованной ризомы выступает процесс развития не просто абстрактной грибницы, а гриба рода кордицепс (*Cordyceps*), в частности *Cordyceps militaris* («Кордицепс военный», «Кордицепс вооружённый»). Его особенностью как эндопаразитоида является то, что он подчиняет организм хозяина (насекомого), реструктурируя и редуцируя его поведение для обеспечения собственного воспроизводства.

Жизнедеятельность кордицепса - это не «волчьи глаза, волчьи челюсти», это то, что централизованно оказывает воздействие на органы насекомого, тем самым заставляя их выполнять потенциально возможные, но несвойственные его виду функции. Подобную динамику социального взаимодействия также можно выразить в абсурдистской формуле «уши машут ослом» [Матвейчев, 2014, 495], которая демонстрирует инверсию власти и агентности: не субъект управляет действиями, но сами действия конструируют псевдосубъекта, поведение которого обусловлено выживанием и распространением внешнего контролирующего организма.

Деятельность USAID как «тела без органов» таким образом олицетворяет собой неиерархическое паразитирование властных отношений, где воздействие на нервную систему носителя осуществляется через диффузные децентрализованные сети, а подчинение скрыто иллюзией органичных процессов. Этот процесс не «волчьи глаза, волчьи челюсти», он отражает логику манипуляции, где внешний центр принятия решений замещает автономные нейронные связи, трансформируя тело хозяина в инструмент реализации внешних чуждых целей,

чтобы управлять органичным поведением в ущерб его изначальной функции в культурном биоценозе.

Цветные революции и их попытки на постсоветском пространстве, как сопутствующие результаты работы USAID, по всей видимости, осуществлялись по данному принципу. Органы власти, гражданского общества, местного самоуправления, и просто гражданские лица с политической позицией, стали жертвами объединённого в единую структуру протестного движения, скрытно управляющегося извне. Свобода слова в сочетании с возможностями сети Интернет, позволила массово вывести на международный уровень нарративы локальных медиа и лидеров мнений, а также позволить объединяться и координировать свои действия широким массам людей вокруг стихийных событий и явлений, что технически ранее было невозможно себе представить.

Главной проблемой подобных химер является примитивное понимание влияния на основании биологизационных положений как фрейдистского психоанализа, который переживает ренессанс благодаря бурному развитию современных биомедицинских технологий, так и сциентистскими, позитивистскими позициями современной западной науки, что ведет к механицизму в объяснительных теориях. Труды Фрейда остаются прорывными даже сегодня и интерес к их практическому применению связан с бурным развитием современных биомедицинских технологий, в результате чего психоаналитические концепты вдохновляются процессами в природе (ризома, тело без органов, машины желаний и т.д.). Это доказывает тот факт, что Лакан, будучи светилом современного психоанализа во Франции, призывал обращаться именно к трудам Фрейда и переосмыслять их. Ирония в том, что он был таким же медиком и психиатром, как и Фрейд. Однако, когда эта модель выходит в сферу гуманитарного знания, она сталкивается с проявлением культурных и цивилизационных аспектов человека, которые в значительной степени могут не только опосредовать биологическую сущность человека, но и определять ее, вплоть до целенаправленного изменения генетического кода. Сегодня это одно из самых перспективных направлений в биомедицине, исследующей терапию генетических заболеваний, одним из ярких примеров которого является лечение спинально-мышечной атрофии и перспективные разработки отбора генетически улучшенных человеческих эмбрионов в системе экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). В случае ЭКО, перед врачом стоит задача выбора наиболее качественных эмбрионов для переноса. При анализе нескольких эмбрионов проводится их приоритизация на основании морфологических особенностей, обнаруженных структурных перестроек и других параметров. Технологии уже сегодня меняют геном, а сами технологии определяются идеями из культуры.

Другой слабой стороной этой теории является механизационный подход к теории капитализма Карла Маркса и Фридриха Энгельса, из-за чего проблема потребления товаров и услуг, теория капитала и стоимости, находящиеся в структуре машинного производства начинают оказывать сильнейшее воздействие на язык авторов. Именно поэтому, например, возникает понятие «машина желания», демонстрирующее технический машинный смысл, ассоциированный со смертью. Э. Фромм был первым, кто критиковал эту проблему, будучи современником французских философов. В качестве примера первого творческого произведения, иллюстрировавшего тенденции некрофилии и танатоса, которым он противопоставлял биофилию стал «Манифест футуризма». В нём, по мнению Фромма, проявился характерный для начала XX века дух разрушения, деструктивизма, агрессии, женоненавистничества, механицизма, неживого, прославления войны, скорости, обожествление техники и т.д.

Фромм отмечал, что проблема некрофилии имеет непосредственное отношение к проблеме нарциссизма (инфантилизации населения), аспект которого не затронули французские философы, обсуждая влияние общества потребления на социализацию человека. Авторы видели негативные аспекты психики, но предлагали менять общество в угоду требованиям желаний отдельного индивида, предлагая детерриториализировать институт и декодировать само желание семьи, которая, по их мнению, представляла из себя главный источник психических проблем человека и репрессивный аппарат давления на психику, ограничивающий либидо. Фромм же, напротив, настаивал на построении здорового общества, и направлению желаний на созидательный труд. Естественно, идеи последних, как призыв к созданию горизонтальных неиерархических связей со стремлением исхода из предписанных социальных кодов стали более релевантны политике USAID, носящей во многом, революционный и подрывной характер, такой же, что привёл к революции 1917 года в Российской Империи.

Основой существования «тела без органов» (USAID) являются «машины желаний», под действием которых осуществляется «деиндивидуализация человеческого сознания, его подстройка под существующие правила» [Стоян, 2018, 63]. Этими машинами желаний в начале XX века были политики, поэты, художники, журналисты радио, ТВ и телевидения. Сегодня, в XXI веке, ими стали Интернет СМИ, блогеры, популярные музыкальные исполнители, актёры и лидеры общественных мнений. Опять же, важно также помнить, что в основе работ Делёза и Гваттари был марксизм (непроста их труд назывался «Капитализм и шизофрения»), поэтому, когда речь идёт о «машинах», нужно понимать их в историческом контексте жизни главных идеологов этой теории, живших в период расцвета машин как грубых станков. Блогер в данном случае уподобляется именно механическому станку, конвейеру, т.е. механическому средству воспроизводства желаний. В условиях нарциссической культуры, объектом желания становится не только он сам, образ его жизни, товары, которые он потребляет, но и желание, которое он порождает. Поэтому тиражируемый образ блогера / ЛОМа / политика в этом контенте воздействует на социальное пространство людей в сфере общения и коммуникации, формируя установки сознания людей, которые его потребляют. Объектом воздействия такого контента являются люди нарциссического склада личности, которые не обладают достаточно развитым сознанием и для которых характерен когнитивный эгоцентризм. Именно поэтому в противовес существующим сложившимся практикам производства нарциссического контента, важно создавать контент культурного, обучающего и образовательного содержания.

Агентство USAID специализировалось на спекулировании идеями о свободе и независимости, которые стали предметом скорее фетиша, чем результатом осмысления своего места и реальных возможностей в мире, формируя тем самым у людей представление о свободе и независимости, которые на практике проявлялись как распушенность и вседозволенность. В результате деятельность превращалась в потребление обладания свободой, но не стремление им (свободным) быть. Более подробно данная проблема и ее последствия представлены в работе Э. Фромма «Иметь или быть» (1976 год).

Таким образом в языке и культурных нарративах, воспроизводился дискурс, который направлялся в рамках желания противодействия большому-другому взрослому, будь то президент, глава поселения, родитель или любой другой индивид или объект, олицетворяющий собой образ верховной власти.

Психика инфантильных и нарциссических людей, также, как и детская психика, пластична в силу отсутствия социальной опосредованности биологических проявлений человека. Причина в том, что сознание не только существует внутри человека, но и приходит к нему извне. Во

внешнем плане оно также, как и любая другая психическая функция, изначально является низшей психической функцией, неосознанной. В процессе обучения, психические функции сначала регулируются извне, а затем, в процессе интериоризации, «сворачиваются» и уходят во внутренний план, становясь высшей психической функцией. То, что люди в детском возрасте слышат и запоминают, со временем интериоризируется и становится частью структуры их личности.

И чем менее человек руководит собственными мышлением и речью, тем больше он становится подвержен внешнему воздействию со стороны средств массовой информации. Подробнее об этом можно прочитать в работе выдающегося русского психолога Л.С. Выготского «Мышление и речь», который опередил Лакана уже тем, что осмыслил З. Фрейда и К. Маркса, преодолев контексты их дискурсов и доказал, что человек в своём индивидуальном развитии воспроизводит культуру и язык, которые его окружают, за что замалчивался и запрещался в Советском Союзе, стоящем на позициях социального конструктивизма. В рамках своей культурно-исторической концепции идеи Выготского во многом перекликаются с идеями о цивилизационных центрах мира Освальда Шпенглера, Бруно Латура и Льва Гумилёва о цивилизационных автономиях и центрах мира.

В этом смысле, негативный аспект деятельности USAID заключается в том, что, формируя контент нарциссической культуры, фонд способствовал ухудшению процесса индивидуального развития человека, направлял его в изначально заданные несвойственные культурно и социально-исторические пути, приводя тем самым к инфантилизации своей аудитории. Как писал Э. Фромм в работе «Здоровое общество»: «вместо того чтобы знакомить нас с лучшими литературными и музыкальными произведениями прошлого и настоящего, средства массовой информации в дополнение к рекламе забивают людям головы самым низкопробным вздором, далеким от реальности и изобилующим садистскими фантазиями» [Фромм, 2011, С. 7]. Такая массовая культура, выступая противоресом русской культуре, способствовала не просто снижению уровня знаний или образованности, она буквально способствовала росту психических заболеваний, с которыми сегодня сталкивается современное поколение. Примером тому выступает эпидемия депрессии во всём мире. Эти процессы также наблюдал и описал В. Франкл в своей работе «Человек в поисках смысла». Если бы эти учёные были живы сегодня, они бы безусловно критиковали USAID.

Негативное влияние на культуру осуществляется через заполнение информационного пространства бессмысленным развлекательным и рекламным контентом. Потребление этого контента теперь носит более сложный характер, если раньше этот процесс протекал в супермаркетах (по Бодрийяру), где человек формировал желание, в процессе наслаждением возможности выбора. Теперь оно проходит на маркет-плейсах, в социальных сетях и медиаресурсах.

Так, например, компания Apple продаёт не просто революционные технологии, она формирует образ жизни человека со своей экосистемой, структурой общения в закрытых сообществах, формирования социальных моделей «свой – чужой» и т.д. Структуризация происходит как в рамках официальных рекламных компаний, так и посредством скрытого, нативного продвижения брендированных товаров благодаря блогерам, героям культовых фильмов и политикам. Основой этого процесса являются экономические интересы компаний, т.к. в условиях нарциссической культуры [Скорев, 2022, 215], любого рода информация стремится стать развлечением [Бард, 2004, 102], не просто для повышения продаж, а для роста желания (спроса). В то же время, там, где характер развлечения интегрировать становится невозможно, его место занимают «садистские фантазии» [Бард, 2004, 102].

Все эти процессы формируют современное информационное пространство, главной особенностью которого являются инфантильные детские желания, выраженные в продуктах нарциссической культуры. Среди свойств нарциссической культуры можно выделить: отказ от модернистских установок служения, обесценивание профессионализма, обесценивание важности самореализации, «критерием которой служит известность, популярность, а не признание заслуг перед государством, обществом, профессиональной корпорацией» [Ореховский, 2023, 286], «В качестве оснований нарциссической культуры рассматриваются демассификация производства и девальвация объективного знания в информационной динамике» [Мартишина, 2022, 194]. Другим важным её аспектом являются некрофилия, сущность которой впервые проявилась «в 1909 г. в «Манифесте футуризма» Ф. Т. Маринетти» [Фромм, 2015, 618].

Одним из ярчайших примеров продвижения внешних координирующих тезисов современной реальной политики являлась подготовка информационного пространства для вторжения американских войск в Ирак. В 1990-х годах в американских СМИ распространялась новость о том, что «после оккупации Кувейта иракские солдаты ворвались в госпиталь, выкинули недоношенных детей из инкубаторов и оставили их умирать прямо на холодном полу госпитального коридора» [Бард, 2004, 100]. Чуть позже выяснилось, что информацию об инциденте сообщила дочь кувейтского посла в США, которая «не могла видеть то, о чем свидетельствовала Конгрессу» [Бард, 2004, 102].

Аналогичные процессы наблюдались и в период информационной войны на фоне грузино-южно-осетинского конфликта. Несмотря на низкую эффективность работы западных СМИ, буквально «изменивших свою позицию буквально за сутки» [Михайленко, 2009, 2], репутация этих СМИ не понесла ущерба, тезисы не были развенчаны, а методики не были признаны неэффективными.

Инфантилизм, клиповое мышление и познавательный эгоцентризм в информационном пространстве

Одно из главных последствий, порождаемых деятельностью субъектов в рамках реализации USAID своих социально-политических программ по продвижению лево-демократических нарративов на постсоветском пространстве является насаждение нарциссической культуры и, как следствие, инфантилизация человека. Происходит «девальвация объективного знания в информационной динамике» [Мартишина, 2022, 194].

Для экономической ориентировки в маркетинговом пространстве нарциссического потребления рекламируемых товаров, согласно оценкам психологов, достаточно иметь уровень развития мотивационной-потребностной сферы человека на уровне ребёнка от 3 до 7 лет. В то же время, уровень развития технических навыков перестаёт иметь принципиальное значение, важно лишь, чтобы человек мог зарабатывать достаточно денег для того, чтобы оплачивать возникающие перед ним предложения с учетом внедрения геймификации социального пространства. Геймификация является основным и эффективным методом как маркетинговой, так и политической стратегии, потому, что в период от 3 до 7 лет именно игра является ведущим типом деятельности индивида. Получая удовольствие от процесса игры, при соблюдении её правил и получении конечного результата, человек начинает видеть этот процесс абстрактно, включаясь в отношения в рамках заданных правил. В этих условиях интуитивно формируются понимание взаимодействия и базовые представления о переживании и положении себя

относительно других людей. Но если человек постоянно играет в процесс потребления товаров и услуг для себя самого, то глубинного осознания себя и рефлексии относительно происходящего процесса не происходит.

Причины возникшей ситуации во многом обуславливаются резким технологическим прорывом, в котором гуманитарные (мотивационно-потребностные навыки) человека не успевают развиваться за операционально-техническими. Включение в процесс потребления происходит раньше, чем осознание истинных желаний и умение размышлять над ними, структурировать их. Не последним аспектом, способствующим, а точнее не препятствующим этому, является система современного образования, которая делает ставку на развитие технических, но не гуманитарных навыков. Эта тенденция зародилась ещё в начале XX века, когда с развитием техники активнее рос спрос на учёных в области естественных и технических наук, больше чем на специалистов из области социально-гуманитарного, духовного знания.

Сегодня мы имеем технологический прорыв в области средств передачи информации, в результате которого мы можем непосредственно игнорировать физические пределы пространства, передавая информацию на расстояние практически «моментально» и оказываясь в нескольких местах – в сообществе блога, в офисе, в любовной переписке и в споре на форуме – одновременно. В результате этого сложились парадоксальные условия, в которых способ производства (техники, информации, ее передачи, интеграции в платежные системы) опережает развитие традиционных социальных институтов, которые в связи с трансформацией общества, находятся в состоянии аномии [Долгицкий, 2017, 114] постиндустриального общества. Проблема дополнительно заключается в том, что это кризис развития, который преодолевается цивилизациями естественным образом в процессе адаптации социальных структур друг к другу, но изменения сегодня наступают столь быстро, что на процесс адаптации не остается времени. Среди прочих аспектов, на этот процесс также негативным образом влияют факторы, способствующие, по Дж. Даймонду, смерти цивилизации. Среди таких факторов, он, в частности, выделял межцивилизационные войны и глобальные климатические изменения. С точки зрения цивилизационного развития, процесс можно описать как войну между христианской православной цивилизацией и глобалистами, использующими методы экономического и информационного давления в условиях гибридной войны. Безусловно, именно информационным гибридным противодействием сложившимся традиционным институтам была деятельность USAID.

Первым тревожным звонком стало появление феномена «клипового мышления», противопоставляемый мышлению понятийному, смысловому, который современные авторы связывают с появлением нарциссической культуры [Хлебникова, 2022, 195] и роста нарциссизма в обществе, т.е. его инфантилизации. Другими словами, контент, производившийся USAID, способствовал инфантилизации населения, т.к. она повышает уровень внушаемости и способствует продаже иностранных товаров и услуг на колонизируемых рынках.

Важно обозначить сложности трактовки данного понятия, т.к. термин «нарциссизм» находится в категориях психоанализа. Позитивистская критика, основанная на отсутствии возможности фальсификации психоаналитического знания, уместна в данном случае, т.к. у разных авторов существуют разные трактовки и обозначения нарциссизма как такового.

В исследованиях периодизации развития человека этот феномен, был назван «когнитивным эгоцентризмом» или «познавательным эгоцентризмом» [Эльконин, 1999, 324], характеризующимся тем, что ребёнок на этапе дошкольного развития не способен встать на

точку зрения другого и, в связи с этим, не может справиться с задачами, поставленными ему в рамках эксперимента. Так, Д. Б. Эльконин, автор общепринятой в России периодизации психологического развития ребёнка, отмечает, что «основной парадокс при переходе от предметной игры к ролевой заключается в том, что непосредственно в предметном окружении детей в момент этого перехода существенного изменения может и не произойти» [Эльконин, 1999, 322]. В рамках эксперимента было установлено, что преодоление познавательного эгоцентризма, который современные авторы при анализе нарциссической культуры называют «клиповым мышлением» [Хлебникова, 2022, 205], становится возможно, когда у ребёнка в соответствующий период формируют представление о социальных взаимодействиях внутри семьи, функциях каждого человека и ролевых моделей, чтобы интериоризировать разнообразные, множественные варианты взаимодействия внутри социума.

Сегодня, когда человек живёт в условиях трансформации института семьи, находящегося в кризисном состоянии [Петрова, 2024, 326], сопровождающимся эпидемией нарциссизма [Марченко, 2018, 116] в условиях нарциссической культуры, количество людей, с сохраняющимся когнитивным эгоцентризмом и клиповым мышлением стремится к увеличению. Главной проблемой инфантилизации населения является внушаемость, а это значит, что люди становятся более подвержены к управлению извне, особенно при поставленных задачах.

В этом смысле, преодоление инфантилизма в условиях нарциссической культуры способствует снижению рисков не только инфантилизации населения, но и других форм девиантного поведения. Вставая на позицию другого, приобретая знание о разнообразных формах взаимодействия в социуме, не заикливаясь на эгоцентричном осознании себя, человек может обрести знание Другого, ответственности перед Другим, и вследствие этого, знание разнообразных форм социальной коммуникации - прощения, обещания, дружбы, вражды, любви, верности и измены. Сделать это возможно только благодаря повышению уровня культуры и образования, ведомой посредством трансляции образовательного контента в информационном пространстве, побуждающего к межличностному взаимодействию.

Деконструкция доктрины Монро

Причина, по которой деконструкции подвергается именно Доктрина Монро, связана с тем, что именно на её основании работало агентство USAID и которая заложила принципы и задачи внешней политики США. Её длительное воздействие структурировало взаимодействие людей в интернет среде, основываясь на концептах Делёза и Гваттари, о которых мы говорили выше. Также важно отметить, что доктрина Монро – это республиканская, империалистическая модель, в рамках которой также была сформирована неокOLONIALная внешняя модель управления, попадающая в зону влияния интересов США государств.

Главным принципом, описывающим смысл Доктрины, стал тезис: «Америка для американцев». Он строился на трёх базовых пунктах:

- «1) невмешательство американских государств во внутренние дела Европы;
- 2) невмешательство европейских государств во внутренние дела Америки;
- 3) решимость препятствовать всяким попыткам европейских государств покушаться в какой-либо форме на независимость американских государств путем их колонизации» [Фархутдинов, 2017, 38].

В этих пунктах отражена базовая структура доктрины, из которой следует вывод о притязании на гегемонию США в Западном полушарии. Это был первый этап развития

доктрины, который привёл к росту влияния США на американском континенте. На втором этапе, ближе к концу XIX века, влияние США в рамках этой модели распространилось и на страны Южной Америки, которые превратились в протектораты США. После второй мировой войны, ближе к середине XX века, данный вектор политики дополнился доктриной Трумэна, суть которой заключалась в спасении Европы от советской экспансии. Данные идеи продолжали развиваться в рамках Доктрины Кеннеди, Доктрины Никсона, Доктрины Картера, Доктрины Рейгана и Доктрины Клинтона, которые хоть и не имели столь чёткой структуры и/или не были трансформированы в программные документы, всё же продолжали идеологическую линию, направленную против роста влияния и суверенизации отдельных государств, в случае если только не было выгодным обратное. Важную роль в этом сыграла целенаправленная экспансия американского бизнеса и корпораций.

Так, постепенно, шаг за шагом, степень влияния социальной и информационной гегемонии США росла. Очередной точкой стало создание Бреттон-Вудской системы, которая сменила систему, основанную на «золотом стандарте» и привела к созданию таких организаций как Международный Валютный Фонд и Международный банк реконструкции и развития (МБРР). Национальная валюта США стала одновременно мировыми деньгами и базой валютных паритетов. Фактически, это привело к появлению долларowego стандарта международной валютной системы.

Односторонность выгоды от этого процесса актуализировалась в начале XXI века, когда платёжные операции стали электронными, а система платежей в американской валюте распространилась по всему миру. Информатизация платёжных систем позволила сконцентрировать финансовые ресурсы и, следовательно, социальную и политическую власть в конкретном финансовом институте Федеральной резервной системы США, которая посредством массового распространения способов платежей обеспечивала стабильный бесперебойный рост рыночных активов, маржинальность которых обеспечивалась благодаря операциям с ценными бумагами на мировых рынках. Экономические институты, которые с точки зрения марксизма всегда представляли из себя надстройку над экономическим базисом, незаметно для всего мира трансформировались в опосредованный способ производства денег, превращенную форму бытия финансов как таковых.

С начала 2010 годов мы наблюдаем кризис глобалистской модели управления, наткнувшейся на предел реализации неокOLONиальной модели управления. Информатизация платёжных систем Китая, России, Бразилии и Индии позволила вступить на путь альтернативы глобальной финансовой системы и перейти на торговлю в национальных валютах на условиях многополярности мира и суверенности каждого из членов государств-объединений. Смена парадигмы и признания наличия других центров цивилизационной мысли и необходимости с ней считаться, произошла не сразу, ещё несколько лет назад «культура отмены» [Мирзаева, 2025, 60] оказывала серьёзное воздействие на социально-политическое пространство под левыми лозунгами, но уже в этом году компания Google отказывается от политики инклюзивности при найме сотрудников.

Однако, эта идеологическая борьба не завершена, а победа не одержана. В настоящее время в мире существует множество авторитарных притязаний, стремящихся к тотальному контролю жизни людей, через формирование их желаний посредством идей. Либерализм, определявший свободу как основную ценность человека и приватизировавший формы ее определения и пути ее обретения, привёл к тому, что свобода человеческого желания и варианты возможности, механизмы его удовлетворения стали неотъемлемой собственностью Западной европейской цивилизации, что и привело к парадигме необходимого роста благосостояния западного

производства и экономики для извлечения прибыли. Эти ценности противопоставлялись ценностям других цивилизаций, в числе которых находятся традиционный институт семьи, религия и вера, образование и традиционная медицина. Одним из разграничительных водоразделов, стало противостояние индивидуального и коллективного. В США и Европе сегодня этот процесс зашёл так далеко, что мы можем наблюдать социальные проблемы, связанные с национальной, классовой, половой, расовой и даже антропологической самоидентификацией в поиске возможности удовлетворения личного желания. В связи с этим современные исследователи фиксируют «эпидемию» нарциссизма [Рубцова, 2018, 238], основным признаком которого является «познавательный эгоцентризм» [Эльконин, 1999, 324], как отсутствие возможности у человека поставить себя на место другого, так и невозможность осознания интересов любой общности.

Модель Доктрины Монро показала свою практическую эффективность, но оказалась направлена на выгоду только одной стороны, что в корне противоречит декларируемым целям свободы и инклюзивности. Можно предположить, что использование механизмов, сформированных в рамках реализации доктрины Монро в политических практиках информационной политики России, но выстроенных с учетом собственных цивилизационных интересов, приведет к эффективному продвижению государственных нарративов.

Заключение

Проведённая деконструкция модели работы USAID, выстроенной на принципах Доктрины Монро, показывает, что её структура может выступать как основание цивилизационной культурной доктрины русской информационной политики.

Основополагающим контекстом доктрины Монро является усиление Запада, через использование колоний в качестве, способствующих финансовому развитию метрополии. Те же процессы в данный момент происходят на территории постсоветского пространства, но уже в рамках структуры информационной войны, основной целью которой является оказание воздействия на население, с целью формирования инфантилизации населения и создания из них квалифицированных потребителей, что ведет к дестабилизации безопасности на территории России. С целью противодействия этим процессам, в условиях приостановки финансирования USAID, необходима противодействующая система организации обучающей и культурологической работы в сфере информационно-политического пространства, в рамках которой должны транслироваться следующие тезисы:

- Независимость на принципах справедливости - впредь Россия не должна рассматриваться в качестве объекта для будущей колонизации.
- Принцип взаимного невмешательства во внутренние дела государства - впредь, любое вмешательство во внутренние дела России со стороны какой-либо государства с целью её подчинения или контроля любым другим способом будет рассматриваться не иначе как проявление недружелюбного отношения к России.
- Принцип стабильности - впредь, Россия, как правопреемница Российской Империи и Советского Союза, будет противодействовать переходу своих исконных исторических территорий, под влияние других держав.
- Принцип безопасности - безопасность русской культуры и цивилизации, основанная на сохранении смыслов, ритуалов, символов и традиций является основополагающей ценностью и залогом сохранения русской цивилизации.

Библиография

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия Новая правящая элита / пер. с англ. Мишучков В., под ред. Ивашевская Г. – СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. — 256 с.
2. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц. и после сл. Я. И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. - Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — 895 с.
3. Долгицкий О.Д. Социальное отчуждение как источник аномии // Контекст и рефлексия: философия о мире человека. – 2017. – №6(4). – С. 104-119.
4. Дугин А.Г. «Четвёртая политическая теория» М.: Амфора, 2009, — 352 с.
5. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. — М.: Горячая линия — Телеком, 2003. — 541 с
6. Мартишина Н.И. Нарциссическая культура и места её обитания // Идеи и идеалы. 2022. №1-1. — С. 194-213.
7. Матвейчев О.А. Уши машут ослом. М.: Автор, 2014. — 512 с.
8. Марченко Ф. О., Маховская О. И. Психология сетевой агрессии (кибербуллинга) во время эпидемии нарциссизма // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. №4 (35) – С. 100-119.
9. Мирзаева Д.У. Является ли культура отмены культурой? // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. №4 (56). – С. 59-75.
10. Михайленко Т. А. Особенности информационной войны в современном мире на примере грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 года // Государственное управление. Электронный вестник. 2009. С. 1-7.
11. Ореховский П.А., Разумов В.И. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. 2021. №3-1. — С. 84-102.
12. Петрова Н. Д. Трансформация института семьи в информационном обществе: кризис, причины и возможности преодоления (международно-правовые аспекты) // Образование и право. 2024. — С. 323-327.
13. Рубцов А. Идеологи и нарциссы. Мифы всемогущества: рецидивы, обострения, эпидемии // Vox. Философский журнал. 2018. №25. — С. 236-252.
14. Скорев В.А. Нарциссическая культура в действии: власть, общество, безопасность, самоопределение // Идеи и идеалы. 2022. №1-1. — С. 214-229.
15. Стоян А.А. Роль "машин желания" в обществе массового человека // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2018. №1. С. 61-68.
16. Фархутдинов И. З. От Монро до Трампа: доктрина США о предвосхищающем военном ударе и международное право // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. №3. — С. 36-51.
17. Фромм, Э. Здоровое общество: [пер. с англ.] / Эрих Фромм. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 446 с.
18. Фромм, Эрих. Анатомия человеческой деструктивности / Эрих Фромм; пер. с нем. Э. М. Телятниковой. – Москва: АСТ, 2015. – 618 с.
19. Хлебникова О. В. Клиповое мышление и гештальт постправды в пространстве нарциссической культуры // Идеи и идеалы. 2022. №3-1. — С. 195-214.
20. Эльконин Д.Б. Психология игры. — 2-е изд. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. — 360 с.

Analysis of Changes in Mass Communications in the Post-Soviet Space

Oleg D. Dolgitskii

Independent Researcher,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: OD89224426367@yandex.ru

Liliya B. Varygina

Independent Researcher,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: liliana-varigina@yandex.ru

Anatolii V. Vilkovyskii

Lecturer,
Department of Civilizational Journalism,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations,
109004, 29/18, Alexander Solzhenitsyn str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a@vilkoviskiy.ru

Andrei N. Svintsov

Deputy of the State Duma,
Deputy Chairman of the State Duma Committee
on Information Policy, Information Technologies and Communications,
Federal Assembly of the Russian Federation, State Duma,
103265, 1, Okhotny Ryad str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 9954542@mail.ru

Abstract

The change of power in the United States in 2024 led to an ideological shift and, consequently, to restrictions on the activities of the United States Agency for International Development (USAID) in the post-Soviet space. This resulted in changes in the influence of organized mass communications on electoral, socio-political and socio-economic processes. In this regard, it became necessary to analyze modern information socio-communicative practices within individual states. This will allow for a critical approach to the problem of Russia's historical destiny and determine the prospects for the development of information policy in the country in the 21st century.

For citation

Dolgitskii O.D., Varygina L.B., Vilkovyskii A.V., Svintsov A.N. (2025) Analiz izmeneniy v sfere massovykh kommunikatsiy na postsovetском prostranstve [Analysis of Changes in Mass Communications in the Post-Soviet Space]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (8A), pp. 72-85. DOI: 10.34670/AR.2025.55.93.009

Keywords

Information society, information warfare, narcissistic culture, mass communications, consumer society, Monroe Doctrine.

References

1. Bard A., Zoderquist J. The New ruling Elite / Theocracy / translated from English. Mishuchkov V., ed. Ivashevskaya G. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2004. 256 p.
2. Deleuze, J. A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia / Gilles Deleuze, Felix Guattari; translated from French. and afterword by Ya. I. Svirsky; scientific ed. by V.Yu. Kuznetsov. Yekaterinburg: U-Faktoria; Moscow: Astrel, 2010. 895 p.
3. Dolgitskii O.D. Social alienation as a source of anomie // Context and reflection: philosophy of the human world. – 2017. №6(4). – Pp. 104-119.
4. Dugin A.G. "The Fourth Political theory", Moscow: Amfora, 2009, 352 p
5. Manoilo A.V., Petrenko A. I., Frolov D. B. State information policy in the context of information and psychological warfare, Moscow: Hotline — Telecom, 2003, 541 p.

6. Martishina N.I. Narcissistic culture and its habitats // Ideas and ideals. 2022. No.1-1. — pp. 194-213.
7. Matveychev O.A. Ears wave a donkey. Moscow: The Author, 2014. — 512 p.
8. Marchenko F. O., Makhovskaya O. I. Psychology of network aggression (cyberbullying) during the epidemic of narcissism // Man: Image and essence. Humanitarian aspects. 2018. No. 4 (35) – pp. 100-119.
9. Mirzayeva D.U. Is cancellation culture a culture? // Man: Image and essence. Humanitarian aspects. 2023. No. 4 (56). – pp. 59-75.
10. Mikhailenko T. A. Features of information warfare in the modern world on the example of the Georgian-South Ossetian conflict in August 2008 // Public Administration. Electronic bulletin. 2009. – pp. 1-7.
11. Orekhovsky P.A., Razumov V.I. The onset of narcissistic culture: consequences for education, science and politics // Ideas and Ideals. 2021. No.3-1. — Pp. 84-102.
12. Petrova N. D. Transformation of the institution of the family in the information society: crisis, causes and possibilities of overcoming (international legal aspects) // Education and Law. 2024. pp. 323-327.
13. Rubtsov A. Ideologists and narcissists. Myths of omnipotence: relapses, exacerbations, epidemics // Vox. Philosophical journal. 2018. No. 25. — pp. 236-252.
14. Skorev V.A. Narcissistic culture in action: power, society, security, self-determination // Ideas and ideals. 2022. No. 1-1. — pp. 214-229.
15. Stoyan A.A. The role of "desire machines" in the society of the mass man // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2018. No. 1. pp. 61-68.
16. Farkhutdinov I. Z. From Monroe to Trump: the US doctrine of anticipatory military strike and international law // Electronic Supplement to the Russian Law Journal. 2017. No. 3. pp. 36-51.
17. Fromm, E. Healthy society: [trans. from English] / Erich Fromm. — M.: AST: Astrel, 2011. — 446 p.
18. Fromm, Erich. The anatomy of human destructiveness / Erich Fromm; translated from German by E. M. Telyatnikova. Moscow: AST, 2015. — 618 p.
19. Khlebnikova O. V. Clip thinking and the gestalt of post-truth in the space of narcissistic culture // Ideas and Ideals. 2022. No.3-1. — pp. 195-214.
20. Elkonin D.B. Psychology of the game. — 2nd ed. — M.: Humanit. publishing center VLADOS, 1999. — 360 p.